

ПАВЕЛ ЛУНГИН:

Москва, апрель 1993. - 4 экз. - 0.4

НЕ ВЕРЮ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ НЕСЧАСТЬЯ

Лунгин уехал из России.**Во Францию. Кажется, насовсем.****Быть может, это последнее интервью перед отлетом.**

— Это все очень непросто на поверку.

— **Что именно?**

— Способность любить.

Но мои критики, к сожалению, этим мало интересуются, их чрезвычайно раздражает мой, как они не преминули подчеркнуть, расчет, циничная нацеленность на Запад, на западную публику. Тогда как я над этим, клянусь, даже не задумывался. Снимал как снималось — а вот поди ж ты: обвинения только что не в двойственности. Я никогда не работал — и работать не буду — затем, чтобы попасть в тон. Я буду делать то, что будет угодно моим сердцу и голове.

Кстати, я отчетливо понимал, что, сняв ТАКОЕ, я вызову огонь на себя. Тут целый комплекс. Тут и обилие жестокости, почти физическое ощущение боли — а кому этого захочется при сплошных кругом стонах? Дальше. Мне самому почти претит ангажированность, а единственное замечание, с которым мне не хочется спорить, это то, что здесь она налицо. Но даже не это главное.

Главное, чем я подставился, — дерзнул сотворить амальгаму "элитарности" и "массовости". Так вот, если вы хоть чуть смыслите в киноконъюнктуре, вы меня поймете: такую "мешанину" нипочем не простят.

— **Вы уже зарекомендовали себя ярким противником этого деления.**

— Оно даже не временное, оно — глупое, оно обречено.

У меня еще после "Такси-блюза" был случай. После просмотра, устроенного на Высших режиссерских курсах, ко мне обратился с такой

жалостливой интонацией, будто вот-вот разрыдается, один молодой оркул-эстет: де, верно, на ваш фильм валом валит плебс, он, верно, нравится? Я ответил... а закончил тем, что хочу, мечтаю, чтобы еще больше "валил". Знаете, что он мне сказал перед тем, как отпрянуть? Он сказал: "Храни вас Господь!" И я не знал и не знаю, смеяться тут или — в три ручья...

И если к этому прежде я относился спокойно, то чем дальше, тем больше меня это раздражает и даже кажется, что в таком отношении к кино есть аморальность, понимаете... Ну что такое — "для плебса"? По жизни я не знаю ни однозначно дураков, ни однозначно умных. Поэтому я что есть мочи и, конечно, дара стараюсь создавать фильмы-балаганы, фильмы многослойные, как многослойная пицца, чтобы каждый "выедал" свое...

За это стремление мне и достается. В том числе и от этих — "Храни вас...". Весь ужас в том, что у нас наличествуют две крайности, категорически исключающие вожденную Золотую. Снимем-ка штучку с "по три убийства в полторы минуты" или — вот эти убогие, которые "с Богом разговаривают". Как будто между этими полюсами не может быть нормально-го кино.

Мне же всегда казалось: если люди смотрят картину, это и есть кино, если не смотрят — простите, нечто другое. Вот так.

— **Кино должно ставить проблемы?**

— И вы туда же... Кошмар нашего кино в этой самой дурацкой проблемности, в том, что оно было написано

кано проблемами, которые сводились к амбициозной возне официоза и ультралевой интеллигенции... А тут ведь, видит Бог, все очень просто!

Ты просто повествуешь, излагаешь, рассказываешь — историю. История может быть до снотворности банальной. Из разряда бытового повседневно, но главное, чтобы ты не болел этим — "спасть мир". Ты не хочешь быть мессией, наместником Господа на грешной земле, быть судией этих грехов (разумеется, только не своих). Ты просто хочешь рассказать, и когда эта "скромная" задача выполняется, эта тривиальность до-растает до Мифа.

Форман, кажется, заметил: вы ставите проблемы, а мы истории рассказываем. Я подписываюсь. И подтверждаю, надеюсь, и "Такси-блюзом", и "Луна-парком", где есть всего понемножку, но где не ночевала дидактика.

— **Хорошо, тогда без гуга-тики ответьте, пожалуйста: что нас ждет?**

— Жизнь невероятно трудная, но постоянно надо помнить, что эта жизнь, при всем плохом, излучает энергию Освобождения.

Да, страшно, да, "ниже черты бедности", да, "мерзость запустения", но ведь творится История и происходит что-то поразительное. И, вы знаете, несчастье не может быть бесконечным, я в это не верю. Потому что — "всегда есть место хорошему". Ты влюбляешься, ты ходишь на хоккей, тебе загорелось слопать пиццу, и ты сделал это, ты справил новенький пиджак, да мало ли: даже в египетской этой темени вспыхивают, как я называю, лампочки радости, хоть летучего блаженства, и ты живешь. Ты живешь!

Отар КУШАНАШВИЛИ.

